

Атмосфера на пиру наконец улучшилась, и инцидент, поднятый императрицей, был забыт Минчуном.

Императрица посмотрела в сторону Фэн Ханя, в душе испытывая недовольство, хотя внешне это не проявлялось. Однако она успела оставить занозу в сердце императора, и когда придёт время, он вспомнит все эти мелочи.

Скандал на пире никак не повлиял на Фэн Ханя. Он продолжал заботиться о Цинъюне, кормя его вкусными блюдами, и не обращал внимания на окружающих, которые их рассматривали. Он с презрением отнёсся к выходке императрицы, которая всегда была мелочной, и её сын унаследовал эту черту.

Фэн Вэньяо был точной копией Минчуна и императрицы, словно их перепечатка.

Когда государственный пир закончился, все запомнили только то, как Фэн Хань заботился о Мо Цинъюне. Раньше они думали, что даже если Фэн Хань не будет срывать на Цинъюне, он точно не полюбит его. Но теперь стало ясно, что князь Чу очень привязан к своей супруге.

Его отношение к супруге на протяжении всего пира было настолько заботливым, что даже в обычных семьях такое редко встретишь. Если это была игра, то она была слишком убедительной.

Кроме того, некоторые чиновники уже узнали, что недавно произошёл инцидент с семьёй Цуй. Теперь все знали, что Фэн Хань не любит Цуй Фаньмэн. Супруга Дэ даже тихо искала для него наложницу, но всё закончилось ничем. Говорили, что император лично вмешался, и Фэн Хань заявил, что любит только свою супругу и не хочет брать наложниц.

Раньше это казалось слухами, но теперь стало ясно, что это правда.

Слухи распространились не без участия Минчуна. Он хотел, чтобы другие не пытались вмешиваться в дела Фэн Ханя. Ему было выгодно, чтобы у Фэн Ханя не было наследников, и тогда его княжество не смогло бы перейти к кому-то другому, а сам Фэн Хань был бы дальше от трона. Это позволило бы Минчуну спокойно поручать ему дела на границе.

Когда Фэн Хань и Мо Цинъюнь вернулись в свою резиденцию, первое, что сделал Цинъюнь, — снял с себя все украшения. Он чувствовал себя уставшим.

Фэн Хань, полный заботы, устроил ему горячую ванну, и они вместе легли в тёплую постель.

Мо Цинъюнь, чувствуя сильное сердцебиение Фэн Ханя, улыбнулся:

— Князь, сегодня мы были как цирковые обезьянки. Сколько людей на нас смотрели.

Фэн Хань, редко позволявший себе смеяться, рассмеялся над сравнением Цинъюня:

— Ну и пусть смотрят. Не обращай внимания.

— Сколько же девушек сегодня разочаровались, — Мо Цинъюнь намеренно поддразнил своего князя, глядя на него. Слабый свет свечей в комнате не позволял ему хорошо разглядеть Фэн Ханя, но его образ уже навсегда запечатлелся в его сердце.

Фэн Хань тоже посмотрел на человека в своих объятиях и слегка сжал его руку:

— Ты это нарочно?

— Да, Цинъюнь нарочно, — Мо Цинъюнь сам рассмеялся. Его князь был полностью поглощён им, и подшучивать над ним было уже не так интересно.

— Князь, мне кажется, мисс Лу действительно хорошая девушка. Если она выйдет замуж за старшего принца, это будет для неё потерей, — Мо Цинъюнь сегодня был впечатлён игрой Лу Юцин и её изяществом.

Фэн Хань на этот раз сжал его бок:

— Ты ещё хвалишь других?

Мо Цинъюнь, почувствовав щекотку, сжался и засмеялся:

— Нет-нет, я боюсь щекотки. Я говорю серьёзно. Разве ты не считаешь, что мисс Лу красива и талантлива? Цинъюнь просто восхищается ею, но это не имеет ничего общего с любовью.

Фэн Хань, конечно, знал это. Он просто искал повод прикоснуться к Цинъюню. Но даже без повода они были мужьями, и что могло помешать ему это делать?

Размышляя об этом, Фэн Хань крепче обнял Цинъюня, поглаживая его спину. Мо Цинъюнь, не в силах сопротивляться, решил не обращать на это внимания, чтобы его князь вдруг не разыгрался. Ему хотелось поспать, ведь сегодня было уже поздно, а в праздники просыпаться поздно было неудобно.

— Князь, как ты думаешь, что хочет страна Цанвэй? Тот посол говорил странные вещи, сначала поставив тебя в центр внимания, а затем изменив тон. Это было немного странно.

Фэн Хань на этот раз серьёзно ответил:

— Цанвэй всегда была спокойной, но теперь всё изменилось. Они развиваются с невероятной скоростью, и их принцы уже выросли. Естественно, они хотят большего и не желают оставаться в тени Великой Чжэнь.

— Но... император, кажется, этого не замечает.

Фэн Хань усмехнулся:

— Он не глуп. Раньше он был более решительным, но теперь он слишком осторожен. Он больше думает о том, как его сыновья могут свергнуть его, чем о внешних угрозах. Даже если он знает об этом, он предпочитает надеяться на лучшее и не беспокоиться заранее.

Мо Цинъюнь надул губы:

— Неужели с возрастом все становятся такими?

— Цинъюнь, ты такой милый, — Фэн Хань поцеловал его в волосы. — На самом деле император ещё не так стар. Просто он слишком долго жил в спокойствии.

— Князь, ты знаешь людей из Цанвэй? Могут ли они стать серьёзной угрозой? — Мо Цинъюнь беспокоился только об этом. Если бы конфликт действительно начался, на передовой оказался бы его князь.

Фэн Хань задумался:

— Я знаю некоторых из них, но не уверен в их силах. Мы никогда не сталкивались в бою.

— Князь, у тебя есть люди в Цанвэй?

— Конечно. Знать врага — значит быть непобедимым. Мои люди регулярно отправляют сообщения, но о внутренних делах Цанвэй и их королевской семье мы знаем не так много.

Мо Цинъюнь нахмурился:

— Что же делать?

— Цинъюнь, зачем тебе беспокоиться об этом? Оставь это мне. Даже если однажды придётся сражаться, я обязательно одержу победу.

Мо Цинъюнь, хотя и не видел выражения лица Фэн Ханя, чувствовал себя в безопасности, когда тот говорил такие слова. Он знал, что Фэн Хань сдержит своё слово.

Мо Цинъюнь на мгновение прижался к груди Фэн Ханя, затем снова поднял голову:

— Князь, можешь ли ты всегда брать меня с собой? Цинъюнь не хочет оставаться дома. Если тебе придётся жить в лагере, я пойду с тобой и буду заботиться о тебе.

Фэн Хань хотел отказать, ведь в армии было много неудобств. Если бы это произошло, он бы устроил Цинъюня в ближайшую резиденцию. Но сейчас, услышав его тихий голос и мольбу, он не смог произнести эти слова.

— Хорошо, — наконец сказал Фэн Хань, — я всегда буду брать тебя с собой.

Мо Цинъюнь, получив обещание, сразу же обрадовался, обнял Фэн Ханя и засмеялся, явно довольный.

Фэн Хань, видя такого Цинъюня, почувствовал, как его сердце смягчилось. Он крепко обнял его, словно хотел слиться с ним воедино, и никакая близость не могла быть достаточной.

— Князь, когда я с тобой, я чувствую себя в безопасности и уверен, что всё смогу, — Мо Цинъюнь снова сказал искренние слова.

— Я тоже.

Эти слова Фэн Ханя обрадовали Цинъюня, и он, подражая своему князю, похлопал его по спине:

— Князь, Цинъюнь тоже сделает всё возможное, чтобы помочь тебе. Ты веришь мне?

— Конечно, — подумал Фэн Хань, как можно не верить Цинъюню? Если не верить ему, то кому тогда вообще можно верить?

Мо Цинъюнь рассмеялся:

— Хань, Цинъюнь любит тебя.

Говоря это, он вдруг замолчал, его дыхание стало ровным и глубоким. Фэн Хань с улыбкой посмотрел на него. Его Цинъюнь был таким милым, даже когда засыпал от усталости.

— Спи, моя супруга. Пусть тебе снятся добрые сны.

Фэн Хань поцеловал Цинъюня в щеку и, обняв его, заснул, не обращая внимания на завывание ветра и шелест листьев за окном.

В день Нового года Фэн Хань снова повёз Цинъюня во дворец. После государственного пира сегодня был семейный ужин.

Если бы не необходимость, Фэн Хань не стал бы подвергать Цинъюня этому дискомфорту. Но семейный ужин был обязательным, и он знал, что императрица может стать ещё более настойчивой. Без посторонних старший принц тоже не станет сдерживаться, и споров не избежать.

Сегодня нужно было рано отправиться во дворец, и Фэн Хань, видя, как Цинъюнь с трудом открывает глаза, почувствовал, как сердце сжалось. Ему хотелось просто обнять супругу и вернуться домой спать. Обычно Цинъюнь никогда не вставал так рано.

— Поспи в карете. Я разбужу тебя, когда будем близко.

Но Цинъюнь, хотя и едва мог открыть глаза, покачал головой. От зевота на его глазах выступила слеза, и Фэн Хань, убрав её, взял его за руку и помог войти в карету.

<http://bllate.org/book/16598/1517325>